

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ШОПЕНГАУЭР ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (492)
ББК 87.3 (4 Гем)
С84

Оформление
дизайн-студия «Дикобраз»

Все права защищены
Перевод с издания
Paul Strathern
Schopenhauer in 90 minutes

Перевод с английского Н. Вышинского

Подписано в печать 1.02.2006. Формат 84×108/32.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 5,0.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1845.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

Стретерн, П.

С84 Шопенгауэр за 90 минут / Пол Стретерн; пер. с англ.
Н. Вышинского. – М: Астрель: АСТ, 2006. – 90, [6] с. –
(Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-022219-X(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271 -08098-6(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-264-1 (англ.)

Согласно Шопенгауэру, мир устроен так: за внешними его проявлениями стоит безликая мировая Воля. Она слепа, вездесуща, не направлена на определенную цель. Именно Воля привносит в мир нищету и страдания, которые могут окончиться лишь со смертью. Единственное, на что мы можем надеяться — это освободиться от власти Воли и пут индивидуализма и эгоизма, возникающих благодаря ей.

В книге дан краткий обзор жизни и идей философа, приводятся выдержки из его произведений.

УДК 1(091) (492)
ББК 87.3 (4 Гем)

ISBN 5-17-022219-X
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-08098-6
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-264-1 (англ.)

© Paul Strathern, 1999
© ООО «Издательство Астрель», 2004

Содержание

Введение	5
Жизненный путь и труды Шопенгауэра	9
Послесловие	65
Выдержки из сочинений Шопенгауэра	69
Важные даты в философии	79
Хронология жизни Шопенгауэра	85
Об авторе	87
Именной указатель	89

Введение

Философия Нового времени началась с Декарта, который «подвергал все сомнению» и свел все наше знание к единственному достоверному положению: «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно, я существую»). Потом Декарт приступает к выстраиванию нашего знания о внешнем мире заново. Чуть позже британские эмпирики Локк, Беркли и Юм заявили, что знание может основываться лишь на опыте, поэтому предыдущие мыслители трудились напрасно, понастроив множество никуда не годных умозрительных систем. К тому времени, когда на арену вышел Юм, человеческое знание уже было доведено до состояния развалин.

Юм подытожил: все, что дано нам в опыте, — это невнятные сигналы ощущений, никакие философские выводы отсюда вообще не следуют. Иными словами, познать мир мы не в состоянии.

Весь этот абсурд, как известно, разбудил Канта от его «догматического сна». Кант воспринял учение эмпиризма, но не остановился на нем. Он воздвиг здание величайшего из всех философских учений — своего. Позднее Гегель породил тяжелую для понимания, объемистую доктрину, незаметно переходя от великого к смешному. На долю его современника Шопенгауэра выпало заклеить гегелевские чудовщные словеса со всем презрением, которого учение Гегеля, по его мнению, заслуживало. Шопенгауэр сохранил узнаваемо кантианскую точку зрения в отношении эпистемологии (то есть науки о познании). Кант, однако, также явился создателем работы «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного». По Канту, в основе этого мира лежит мораль. «Es ist gut» («это хорошо») — таковы, говорят, были его последние слова. А в последней его работе, посвященной

телеологии, Кант пишет: «Две вещи наполняют ум вечно новым и возрастающим изумлением и благоговейным трепетом, чем больше и чаще мы размышляем над ними: звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Как мы увидим, у Шопенгауэра все не так.

Жизнь и труды Шопенгауэра

Шопенгауэр вновь опускает нас на бrenную землю. Человеком он был тяжелым и своенравным, но труды его достойны восхищения. Со времен Платона среди философов не было обладателя более утонченного стиля, чем Шопенгауэр. К тому же его философское учение весьма привлекательно и по содержанию. Впервые со времен Сократа философия предстает столь лично окрашенной. В сочинениях Шопенгауэра явственно проступает его человеческая суть, но с одной оговоркой, которую стоит помнить, читая Шопенгауэра: то, что предстает и представляется остроумием, озарением и ниспровержением основ на страницах книг, вполне может оказаться сарказмом, эго-

центризмом, агрессией в жизни действительной. Вне сцены лицедеи нечасто славятся своими человеческими качествами. И одно то обстоятельство, что остроумные мыслители столь редки, не делает их исключением из этого правила. (Сократу крайне повезло потому, что у нас не осталось свидетельств его жены Ксантиппы.)

Однако Шопенгауэр был самобытен иначе, более основательно. Не зря он известен как «философ-пессимист». При знакомстве с трудами большинства других крупных философов вы не можете отделаться от ощущения того, что пишущий выставляет себя образчиком поведения, и от вас как бы ждут того же самого. Все необыкновенно серьезно и высоконравственно. (Даже Юм, выполняя свой труд по ниспровержению основ, воспринимает философию всерьез.) Шопенгауэр же ясно и четко заявляет, что рассматривает этот мир и нашу жизнь в нем как дурную шутку. В этом мыслитель, без сомнения, ближе к описанию действительного положения вещей, чем те, кто видит мир с оптимистической точки зрения или рассматривают этот мир как служащий определенной цели. После столетий христианства и

рационализма Нового времени такой пессимизм был освежающим, живительным потоком. Однако Шопенгауэр был пессимистом лишь постольку, поскольку утверждал, что мир безразличен к нашей судьбе: у него нет намерения помешать нам, разрушить наши планы.

Со времен стоиков, дистанцировавшихся от этого мира с его злом и пороками, такой подход никем не использовался столь явно. Шопенгауэр развивает ту же тему, но настроен более воинственно. Кроме того, он слишком эгоистичен для такого самоотречения, к которому призывали стоики (хотя в его собственных глазах он является аскетом). Парадоксальность Шопенгауэра в немалой степени способствует его известности. Противоречивость — глубинное свойство характера философа, сопутствующее ему на протяжении всей жизни.

Артур Шопенгауэр родился 22 февраля 1788 г. в городе на берегу Балтийского моря Данциге (ныне польский город Гданьск). Лишь залив отделяет этот город от Кенигсберга, в котором родился и прожил всю свою жизнь другой философ — Иммануил Кант. Отец Шопенгауэра был купцом из зажи-

точного патрицианского семейства, а мать — живой натурой, обладавшей артистическим призванием и тяготевшей к художественной жизни. Семейство отличалось тем, что его члены считали себя гражданами мира, — и имя Артур было дано мальчику потому, что оно одинаково звучало по-французски и по-английски. Когда в 1793 г. пруссаки, не разделявшие космополитических взглядов, победным маршем вошли в Данциг, отец Шопенгауэра незамедлительно перебрался в вольный портовый город Гамбург, куда он перевел и свое дело. Здесь Шопенгауэры со временем и обосновались в великолепном старинном доме.

Новый дом Шопенгауэров был довольно вместителен: там был даже танцевальный зал, обшитый филенками с отштукатуренным потолком, к дому прилегали склады, из которых был виден канал, где разгружались баржи. В таких домах жили зажиточные купцы города, общавшиеся друг с другом формально. Во всяком случае, жилище это ни в коем случае не было по-домашнему уютным, и юный Артур рос в атмосфере педантичности, получая слишком мало тепла и любви и, кажется, особо в них не нуждаясь.

В возрасте десяти лет его на два года отправили во Францию изучать французский язык. Подросток жил в семье товарища отца Шопенгауэра по торговым делам в Гавре. Сын владельца дома Анфим был ему вроде брата. Когда Артуру исполнилось 15 лет, родители взяли мальчика с собой в двухгодичное путешествие по Европе. В Лондоне Артур был ослеплен блеском и великолепием Пиккадилли и театров, но потом вынужден был провести несколько месяцев во «тьме египетской», изучая английский в школе Уимблдо-на, пока его родители ездили в Шотландию. Образование, полученное в частной английской школе, с лихвой восполнило все, не полученное в прусской школе: перед завтраком Артура загоняли в бассейн; учителя исправно секли его; он вкушал нечто, называемое английской «кухней», а также выстаивал нескончаемые службы в церкви. Частная школа в Англии, кроме того, внесла свой вклад в освоение Артуром достопримечательностей. Сюда входило двухмесячное пребывание в Бордо, в том самом доме, где Гельдерлин за два года до этого впал в легкое помешательство, а также посещение Тулона с «шестью тыся-

чами» рабов на галерах, скованных цепями. (Пройдут годы, и Шопенгауэр вновь воскресит этот жуткий образ, чтобы описать ничтожество человечества, прикованного к тому злу, которое представляет собой воля к жизни.) В Богемии Шопенгауэр поднимался на вершину горы Шнекоппе, в книге посетителей остался его отклик:

«Кто может взойти на вершину
и остаться безмолвным?

Артур Шопенгауэр из Гамбурга».

Однако в целом то была крайне гнетущая пора в жизни юного Артура: где ни проезжало семейство Шопенгауэров, повсюду в Европе видны были проявления нищеты — след недавних наполеоновских войн. Нищие калеки выстраивались вдоль улиц городов, многие деревни были заброшены, а мания величия Наполеона так и оставалась неудовлетворенной. Столетие, начавшееся с надежд, рожденных во время Французской революции, кончалось отчаянием, которое ощущалось по всей Европе. То было время, породившее мятежность Байрона, меланхоличность великого итальянского поэта Леопарди, отказ Бетховена от своего посвящения Наполеону «Героической симфонии».

Шопенгауэр глубоко осознавал происходящее и хотел играть свою собственную роль в мире культуры. Но этому не суждено было сбыться. Отец Артура настаивал на том, чтобы сын занялся бизнесом. По окончании путешествия по Европе Шопенгауэр был вынужден забросить свое образование и стать подручным в бизнесе отца в Гамбурге. То было время глубоких (и глубоко скрываемых) личных страданий и мук для Шопенгауэра. (Точно в таком же возрасте во многом схожий конфликт заставил равным образом страдать от нервного срыва стойкого, негибачекого Юма.)

Неожиданно жизнь Шопенгауэра коренным образом изменилась. Рано утром 20 апреля 1805 г. отец Шопенгауэра взобрался на крышу склада позади большого семейного особняка и бросился на мель. Истинная причина его самоубийства остается невыясненной до сих пор. Брак Шопенгауэра-старшего давно превратился в какую-то мучительно-тягостную проблему; обстановка в Европе была удручающей; будущее торгового дела выглядело неважно. И все же нельзя сбрасывать со счетов приступы меланхолии, ему свойственной (которая перейдет и к Артуру), а также на-

следственности (Артурова бабка со стороны отца была душевнобольной женщиной). Однако не стоит подозревать в отсутствии душевного здоровья Артура: более здорового мыслителя, чем Шопенгауэр, мир еще не видывал.

Дело о самоубийстве замяли, как это часто бывает в высшем обществе. Торговое дело Шопенгауэра было свернуто, а семье досталась пожизненная рента. Мать Артура и его младшая сестра покинули Гамбург, у них началась новая жизнь, исполненная любви к искусству, в знаменитом центре культуры — в Веймаре. 18-летний Шопенгауэр остался в одиночестве в городе, работа ему не нравилась, однако он чувствовал себя обязанным продолжать дела. Незадолго до своей смерти отец Шопенгауэра ознакомил сына с эссе, принадлежащим поэту Маттиасу Клаудиусу. Оно называлась «*Моему сыну*». Рассуждения о внутренней силе, духовности, сопряженные с отстраненностью от мирских дел, были созвучны настроением Шопенгауэра. Впрочем, самоуглубление отнимало у него не все время. Как и в более поздние годы, земная жизнь Шопенгауэра текла сама по себе, имея мало общего с его сокровен-

ными мыслями и чувствами. Именно в эту пору друг Шопенгауэра Анфим, родившийся в Гавре, приезжает изучать торгово-купеческое дело в Гамбург. Оба они были при деньгах, и по выходным оба бегали за кулисы, чтобы подцепить актрис и хористок. Если горе-ухажерам не удавалось добиться успеха, то они наверстывали недостачу «в объятиях какой-нибудь усердной шлюхи».

В 1807 г. Шопенгауэр наконец нашел в себе силы послушаться велений своего отца. Он уехал из Гамбурга и поступил в школу в Гете для того, чтобы основательно подготовиться к поступлению в университет. Однако к тому времени Шопенгауэр был слишком взрослым для учения, и его вскоре выгнали (за написание не особенно смешной или даже оскорбительно-непристойной поэмы о пьяном школьном наставнике). Потом Артур уехал к матери в Веймар.

Мамуля Артура вела жизнь звезды литературных салонов. Она писала, водила дружбу с живой величиной немецкой литературы — Гете, с остроумным Кристофом Виландом (немецким Вольтером). Госпожа Шопенгауэр пользовалась всеобщим вниманием, однако отклоняла предложе-

ния о замужестве, предпочитая независимость. Шопенгауэру было неприятно поведение матери; сама она даже вообразить не могла, что сын будет жить с ней под одной крышей, что, безусловно, скажется на образе жизни. Как мать, так и сын были людьми волевыми, для обоих были характерны перепады настроения — мира не получилось. Были хлопанья дверями. Нет сомнений в том, что Шопенгауэр испытывал отвращение к поведению своей матери. Он не мог не видеть, что оно было проникнуто лицемерием. Несомненно и то, что Шопенгауэр ревностно относился к успеху матери в благородной компании литературных грандов. Артур презирал чаяния матери прослыть «гениальной» (при этом сам-то он питал тайную надежду выйти в гении), а преобразование его матери в писательницу извлекло на поверхность Эдипов комплекс.

Все вздохнули с облегчением, когда в 1809 г. Артур уехал учиться в Геттингенский университет. Он записался на медицинский факультет, однако вскоре начал посещать занятия по философии. Именно здесь Шопенгауэр открыл для себя Платона, а потом принялся читать Канта, кото-

рому суждено было иметь столь всеобъемлющее влияние на философию Шопенгауэра. Шопенгауэр высоко ценил искусство, с каким было построено здание философии Канта, и был жестоко разочарован, попытавшись изучить труды Гегеля, ближе стоящего к современности. Вскоре Шопенгауэр начал расправлять крылья своего интеллекта в тетрадах с личными дневниками, в этих записях сквозит его замечательная философская пронизательность, стремительно возрастающая (в то время как скромность стремительно убывает). Шопенгауэр пришел к мнению, что на философской сцене Геттингена он был гигантом среди карликов; в 1811 г. он переезжает в Берлин, чтобы учиться у Фихте, ведущего немецкого мыслителя тех лет (за четыре года до этого Гегель уже опубликовал *«Феноменологию духа»*, однако все еще не нашлось ни одного человека, который утверждал бы, что он эту книгу понял). Тем не менее Шопенгауэр быстро разочаровался в маркобесии Фихте. Ведь Шопенгауэр искал нечто научно ясное — и столь же убедительное.

Несмотря на все это, воодушевленные призывы Фихте к войне за святое дело освобожде-

ния почти убедили Шопенгауэра, что он должен пополнить ряды немецких ратников, сражающихся с Наполеоном. Однако в конце концов Артур придумал нечто лучшее и в 1812 г. взялся за написание докторской диссертации. Она носила название «*Очетверояком корне принципа достаточного основания*» и настолько же занята, насколько это нам кажется на слух; она перекликается с кантовским исследованием четырех видов причины и следствия (логического, физического, математического и нравственного).

Шопенгауэр возвращается в Веймар, где у Иоганны Шопенгауэр завязался роман с придворным чиновником Мюллером (который предпочитал быть известным под более аристократическим именем фон Герстенбергк). Этот несчастный бергк, двенадцатью годами моложе Иоганны, был стихотворцем-любителем. И вдруг на сцене, откуда ни возмись, возникает Шопенгауэр-младший и играет роль Гамлета. На роль Клавдия у Мюллера силенок не хватило. Он, бывало, в приливе черной злобы вскакивал из-за стола при брошенных ему в лицо резких намеках, оставляя новоявленного Гамлета выяснять отношения с Гертрудой-Иоганной.

В одном из писем Иоганны к сыну верно схвачен тон этих бесед: «Не Мюллер, а ты сам отнял себя у меня; твое недоверие, твое недовольство моей жизнью, моим выбором друзей, твое зависящее от настроения поведение по отношению ко мне, твое презрение к моему полу, твоя жадность, твои настроения...» Иоганна уже начала приобретать имя, она писала романы в духе царившего тогда романтизма, а сын ее не мог этого переносить. Он знал, что обладает более высоким, чем у его матери, интеллектом (а это не такая уж малость, в чем многие комментаторы стремятся нас уверить). И все же он не был способен просто не обращать внимания на ее литературные притязания. Это противостояние, очевидно, должно было пройти положенные этапы, прежде чем естественным путем завершиться.

Однако Веймар был для Шопенгауэра чем-то большим, нежели «мыльная опера», состоящая из бесконечных вспышек гнева и раздражения у себя дома. Теперь он познакомился с Гете. Бывало, подающий надежды философ часами беседовал с гением, находящимся в зените своей славы. Позже Шопенгауэр утверждал, что он «извлек громад-

ную пользу» из этих разговоров и еще что он оказал Гете помощь в разработке «Учения о цвете». Это произошло неожиданно. Шопенгауэр некогда изучал медицину и обладал развитым научным мышлением. В сущности, теория цвета, которую развивал Гете, едва ли была чем-то большим, нежели причудой гения — «слабостью» ученого-любителя, которой он, бывало, докучал своим восхищенным посетителям. За сто лет до этого Ньютон уже дал объяснение тому, каким образом белый свет заключает в себе все цвета радуги. Гете упорно отказывался верить в то, что было очевидным всем и каждому, кто наблюдал, как белый свет проходит сквозь призму, чья преломляющая сила разбивает его на цвета радуги. Согласно Гете, белый цвет является цветом сам по себе. Его учение содержало утверждение о том, что все цвета, по сути дела, являются смесью света и тени.

К этой чуши начали прислушиваться лишь в силу гениальности Гете в других областях, потом она пошла на откуп одним только словесникам, тупицам от науки и иже с ними. Шопенгауэр обладал весьма развитым литературным стилем, однако не подпадал под последнюю указанную ка-

тегорию. Любопытно, почему его приняли за своего. Похоже, впервые его самонадеянность подкачала. Возможно, то был последний раз, когда Шопенгауэр позволил своим мыслям воспринять влияние живого существа, чей гений Шопенгауэр пожелал признать. Отныне и навсегда он будет обладать достаточной долей самоуверенности, чтобы в любое время следовать собственному наитию — довольно часто это сквозило в его попытках воцариться в современном ему общественном мнении. К счастью, Шопенгауэр обладал чутьем, принадлежащим исключительно интеллектуалам. Это помогло ему создать философское учение не только самобытное, но предвосхищающее грядущие изменения в интеллектуальной сфере. Это больше, чем философский эквивалент гетевского учения о цвете.

Восхищенное преклонение юного Шопенгауэра перед стареющим Гете было глубоким и в дальнейшем. И хотя их дружба была коротка, столь теплых отношений у Шопенгауэра не будет уже ни с кем в течение всей его жизни. И не случайно Гете в ту пору было почти столько же лет, сколько было бы отцу Артура, не соверши он раньше са-

моубийство. Пожалуй, благожелательность великолепного Гете была единственным контрастирующим фоном для суровой, могучей тени покойного отца Шопенгауэра. Однако всего этого было мало, чтобы улучшить отношения с матерью. Гете вряд ли удалось исправить положение у них в доме, когда он сообщил Иоганне Шопенгауэр, что когда-нибудь гениальность ее сына получит всеобщее признание. Согласно взглядам матери, в семейном кругу было место только для одного гения их породы, и место это уже было занято ею.

К тому же в то время Шопенгауэр открыл для себя индийскую философию, которой — наряду с учениями Платона и Канта — суждено было оказать мощное влияние на философа. Индийская философия представляла интеллектуальное обоснование для глубоко пессимистического мировоззрения. Но, по сути дела, это обоснование было столь же сомнительным, как и его источник. Шопенгауэр прочел книгу, которая называлась «*Упнекхат*», — последнюю причуду, пользующуюся известностью в стане романтиков, которые готовы были пойти на все, лишь бы освободить свое сознание от пут рационализма.

Книга была переведена на латинский с персидского перевода, который, в свою очередь, был сделан с подлинника на санскрите. Соответствие этого опуса первоначальному тексту, возможно, лучше всего видно из близости названия «*Упнекхат*» к тому, что мы ныне в подлиннике называем «*Упанишадами*». Использование Шопенгауэром этого текста в целях обоснования современного философского пессимизма — это рискованное предположение, которое устойчиво остается с нами и поныне.

В конце концов Sturm und Drang (Буря и Натиск, — *Примеч. пер.*) в семействе Шопенгауэров достигли предела, и Артур в последний раз хлопнул дверью. В мае 1814 г. он навсегда покинул Веймар. Ему больше никогда не придется снова увидеться с матерью, хотя она то и дело продолжала писать ему («Ты невыносим и обременителен...» и т.п.).

Следующие несколько лет Шопенгауэр прожил в Дрездене. Здесь он написал свой шедевр объемом в тысячу страниц — «*Мир как воля и представление*». Эту книгу он считал решением «загадки мира». С той поры как возникла философия, подобную цель можно было бы рассматривать в

качестве похвальной — неоспоримое основание, на котором можно выстраивать свою философскую систему. Однако стоит заметить, что (в смысле логики) изначальная отправная точка Шопенгауэра ни в коем случае не является необходимой. Это означает, что она не является неизбежной, неизменной. Что такое вообще «загадка»? Если подходить к миру как к загадке, рассматривать его в качестве некоей головоломки, которую надо решить, тайны, которую надо раскрыть и т. д., то это значит, что должен быть ответ. Вопрос (или загадка) предполагает наличие ответа. Однако нет, по сути, никакой логической причины для того, чтобы мы непременно пытались вопрошать мир по шопенгауэровски. Существует множество других подходов, которые мы могли бы использовать: гнев, принятие, отчаяние и т.п. Платон, который оказал огромное влияние на Шопенгауэра, в известном изречении утверждал, что «философия начинается с удивления». Это «удивление» открыто для двух истолкований: удивление как благоговеиный трепет и удивление как поиск причины происходящего. Платон, похоже, имел в виду первое, однако философия до него и после него подчер-

кивала именно второе. Вплоть до XX в. этот подход не подвергался сомнению, лишь потом философия начала рассматриваться скорее как некоторая деятельность, нежели как поиски «истины». Шопенгауэр, конечно же, рассматривал свою философию как поиск «причины» или по крайней мере в качестве значительного шага по тропе, ведущей к «причине». Он пишет: эти размышления «в будущем будут усовершенствованы, более тщательно и утонченно отделаны, подвергнуты более понятной для чтения обработке, упрощены, однако эти мысли никогда не будут опровергнуты. Философия будет существовать; завершится история философии». Мыслители в конце концов придут к истине, и загадка будет разгадана.

Как это ни странно, именно сам Шопенгауэр и расшатывает подобное убеждение — больше, чем кто-либо другой. Его самобытный способ видения мира был первым шагом по тропе, ведущей в *другом* направлении (хотя он этого и не осознавал). Вместо того чтобы созерцать мир в благоговеином трепете, Шопенгауэр взирал на мир с презрением. Для средневековых философов мир был зачастую театром глупости и зла. Однако

всегда оставалась возможность искупления зла. Вполне возможно, что сам мир был убогим, однако общий план его, замысел создавался под зорким оком Промысла Господня, который благ. Когда Шопенгауэр рассматривал мир как зло, он имел в виду, что порочно само мироустройство и искупить зло невозможно.

Избрав такой подход к миру, при котором этот мир считается злом, а не добром, Шопенгауэр нечаянно разрушил потребность в своей собственной точке зрения. Последующие философы (особенно Ницше и Витгенштейн) поймут это. Подход Шопенгауэра к миру не был логически необходимым. Возможно бесчисленное количество философских подходов к миру. Считать мир загадкой — лишь один из многих.

У сочинения *«Мир как воля и представление»* Шопенгауэра есть эпиграф. Как ни удивительно, но это цитата из Руссо: «Выйди, друг, из детства, проснись!» Основная идея сочинения Шопенгауэра выражена в самом названии (которое иногда ошибочно переводится: *«Мир как воля и идея»*). Видимый нами мир состоит из представлений, феноменов — это очень похоже на мысль Канта.

Однако за этим представлением стоит не вещь-в-себе, как у Канта. За представлениями стоит не что иное, как Воля. Эта мировая Воля слепа, вездесуща, не направлена на определенную цель. Подобно ноумену Канта, Воля находится вне пространства и времени. Она не имеет причины. Именно эта Воля привносит в мир нищету и страдания, которые могут окончиться лишь со смертью. Единственное, на что мы можем надеяться, так это на то, чтобы освободиться от власти этой Воли и пут индивидуализма и эгоизма, возникающих благодаря ей. Этого можно достичь лишь через самоотвержение, выражающееся в сочувствии к страждущим вокруг нас людям, через отвержение Воли (осуществляемое святыми и аскетами всех рас и вероисповеданий), через эстетическое наслаждение произведениями искусства (включающее созерцание, лишённое воли).

В первой из зрелых работ *«Четвероякий корень принципа достаточного основания»* Шопенгауэр утверждает, что наше восприятие творит мир согласно четырем видам причины и следствия: логическим, физическим, математическим и нравственным, — и все они соответствуют прин-

ципу достаточного основания. Шопенгауэр полностью принимает принцип достаточного основания, восприняв его от рационалиста XVIII в. Готфрида Лейбница. Вот как Лейбниц определяет этот принцип: «Любое событие — истинное или существующее — и любой принцип, который истинен, зависят от достаточного основания для своего существования: ничего не случается без того, чтобы было основание, почему это случается скорее так, а не иначе, хотя большую часть времени мы не можем знать этих причин». Иными словами, все имеет причину для своего существования, благодаря которой все происходит именно так, как происходит, а не иначе.

Возможно, Шопенгауэр и позаимствовал этот принцип у Лейбница, однако это не удержало его от бичевания самого создателя принципа за то, что Лейбниц будто бы этот принцип понял не так, как надо. Шопенгауэр указывает на то, что Лейбниц нечетко различал всевозможные причины и следствия, которые Шопенгауэр разделил на четыре вида. Логические причины дают априорные следствия. Это означает, что следствия никоим образом от опыта не зависят. Например: «У

осьминога восемь ног». С другой стороны, физические причины объясняют перемены, происходящие в физическом мире: например, молния, поразившая кролика, который обуглился и почернел. Математические причины порождают геометрические доказательства. Это нам ясно всякий раз, когда мы полагаемся на то, что $2+2=4$, для того чтобы доказать, что математическое пространство может иметь 10 измерений. А моральные причины обеспечивают мотивы для наших поступков. Поступок: безрассудное поведение сына дома. Мотив: зависть к литературному успеху матери, лицемерное осуждение якобы распутного, аморального поведения матери, недостаточного восхищения матери вышеупомянутой философской гениальностью ее сына и т.д.

Шопенгауэр подчеркивает, что все эти причины и следствия являются принадлежностью мира феноменов и проявляются лишь в рамках этого мира. Мир ноуменов, кантианский мир вещи-в-себе, который стоит за миром феноменов, у Шопенгауэра заменен Волей, которая не принимает участия в этой причинно-следственной цепочке. Причинность может существовать

лишь в том мире, который мы воспринимаем. Воля не действует как причина.

Шопенгауэр приводит мощный довод в пользу этого удивительного утверждения. Он заявляет, что у всех нас есть возможность выйти за пределы мира феноменов, туда, где действует Воля. Это происходит, когда мы стремимся познать самих себя. Обычно мы воспринимаем себя точно так, как воспринимаем феномены внешнего мира. Это внешнее восприятие. Однако мы осознаем себя еще и «изнутри». В подобных случаях мы осознаем себя участвующими в акте Волеизъявления. С другой стороны, мы можем воспринимать себя действующими в физическом причинно-следственном мире, однако мы еще и действуем по наитию и осознаем Волю внутри нас. Мы можем мельком это увидеть в качестве Воли к жизни, чье присутствие, как привидение, руководит всеми нашими поступками. Шопенгауэр утверждает, что воля не прямо является причиной наших действий, а только лежит в их основе.

В качестве рационального философского довода это не представляется сколько-нибудь убедительным. Однако это было глубинным

объяснением человеческих действий, опережающим то время. Это объяснение становится еще более убедительным, если рассматривать его как попытку описать бессознательное.

Хотя мы и можем осознавать наши действия на этих двух уровнях, разделить эти уровни нелегко. Шопенгауэр рассматривает Волю как безличную силу, которая стоит за всеми проявлениями. Как индивиды мы являемся всего лишь частью этой всеобъемлющей слепой Воли. И здесь довод Шопенгауэра наталкивается на очевидное возражение. Мы вполне способны осознать волю, действующую внутри нас, — и все же большинство из нас скорее описали бы волю в качестве волевой силы отдельной личности, а не участия в некой вселенской силе. Так мы осознаем волю. И даже те, кто считает волю частью коллективного бессознательного, сочли бы, вероятно, пустой затеей пытаться расширить это коллективное с целью включить в него все то, что у Шопенгауэра объемлет в себе запредельная, трансцендентальная Воля — сущность, которая пронизывает всю Вселенную.

Однако развитие философии не идет демократическим путем — в этом она схожа с наукой.

Только оттого, что большинство из нас некогда считали, что земля является центром Вселенной, она не стала таковым. Точно так же то, что большинство из нас смутно понимает волю внутри нас скорее как личное качество, чем всеобщую Волю, не опровергает довод Шопенгауэра. Смутные личностные восприятия могут отметаться прочь лишь силой одного созерцания непрерывного коперниковского движения.

Для примера: всего за год до смерти Шопенгауэра появились научные данные, способные перевернуть этот мир. В 1859 г. Чарльз Дарвин напечатал книгу «*Происхождение видов*», в которой было показано, как развивались все виды согласно положению о «выживании наиболее приспособленных». Много глубоких исторических и философских размышлений были похоронены этой идеей. Религия, философия, культура, даже цивилизация — на всем появился отпечаток некой совершенно новой Вселенной, которую дотолле человечество не могло себе вообразить. Благородный род *homo sapiens* — божий любимец, цель всеготворения — внезапно опустился до положения частного случая в ходе эволюционного развития. Мало

что сможет выстоять, остаться нетронутым при столкновении с этой «взятой с потолка» идеей. Наука также была вынуждена принятаться за глубокий пересмотр своих оснований. Идеи Дарвина оказали влияние даже на математику.

Возможно, наиболее поэтически глубокую и удовлетворительную философскую концепцию математики создали арабы в VIII в. С их точки зрения, понимание математики было равносильно пониманию Божьего Ума. (Почти тысячу лет спустя Ньютон разделял это мнение.) Мировую эволюцию можно объяснить без Бога, то же касается математики. Но если это так, то где тогда, на самом деле, *существует* математика? Существует ли она как таковая или только в умах математиков? Это *наш* подход к видению мира, просто организация недифференцированного потока нашего опыта? Или же два плюс два равнялось четырем даже тогда, когда еще некому было это понять? В каком смысле могла быть истинной математика, когда не существовало такой вещи, как числа? Являются ли математические истины некоторым образом «внеположенными», ожидающими их открытия, разъяснения, или же мы создали их из ос-

новополагающих аксиом и определений, которые нами же и сформулированы? В философии математики до сих пор идут споры об этом.

Такое неопределенное положение математики затрудняло развитие всего нашего познания в эпоху, когда появилась эволюционная идея. Ведь теперь ничто не обладало внешней надежностью, порукой Бога. В мире новой науки нет никаких устойчивых истин. Додарвиновский способ мышления оказался разрушенным: философия Шопенгауэра, возможно, была единственной, которая благодаря учению Дарвина стала только *глубже*.

Я могу представить индивидуальную волю в себе, волю-к-жизни, пронизывающую мои поступки так, что я этого часто не осознаю. Однако при рассмотрении всего живого в свете дарвиновского выражения «выживают наиболее приспособленные» индивидуальную волю можно понять как исчезающее малое проявление некоей всеобщей Воли. Здесь уже вообще нет коллективного бессознательного: шопенгауэровская Воля несется вскачь сквозь всю Вселенную. Некоторые из учеников Шопенгауэра расценили идеи Дарвина как подтверждение шопенгауэровской философии Воли.

Однако этот аргумент базируется на неправильном понимании Дарвина (а заодно и Шопенгауэра). «Выживание наиболее приспособленных» не обязательно включает всякую волю. Известное выражение Дарвина просто описывает *то, что происходит*, оно ничего не говорит о той силе, благодаря которой это происходит. В самом деле, описание того, как происходит эволюционное развитие, не предполагает какой бы то ни было воли. Дарвин рассматривал *приспособление* в качестве средства для выживания. Наиболее эффективными методами постепенного развития являются стирание различий, приспособление к обстоятельствам, уступание дороги сильнейшему, гибкость, несение по течению — скорее, чем утверждение, доминирование. Если и существует некий основополагающий принцип, описывающий то, как «работает» Вселенная, то шопенгауэровской Воли, безусловно, не хватило бы на то, чтобы выполнить всю программу. Разве что в одном жизненно-важном смысле: имеется в виду предельное безразличие к человечеству со стороны Вселенной. В этом Дарвин действительно подтверждает Шопенгауэра. Шопенгауэр рассмат-

ривает безразличие как зло, потому что безразличие разрушает человеческое благо, действуя без оглядки на человеческую нравственность. Его Воля, конечно, холодна, бесчувственна, бесчеловечна и т.д., однако в глубине своей Воля — нравственно нейтральная сила. Добро и зло (мотив и действие) принадлежат миру физическому, утверждает Шопенгауэр. Его частые определения Воли как зла, в сущности, противоречат его собственным положениям. Шопенгауэр осознает эту непоследовательность и уточняет: Воля — зло лишь постольку, поскольку она кажется нам таковой.

Как подчеркивает Шопенгауэр, мы можем познать Волю единственным способом — через оценку ее роли в нашей жизни. Однако если мы можем постичь Волю, лишь прислушиваясь к себе, то, строго говоря, нельзя сказать, что мы знаем роль Воли в мире феноменов. Мы осознаем лишь одну сторону Воли посреди всеобъемлющего мира феноменов. Это, в сущности, солипсизм (убежденность в том, что существует только мое «я»). Кроме моего внутреннего осознания Воли и моего переживания от ощущения этого феномена, больше ничего действительного не существует.

Все философские учения сталкивались с трудностями тупика солипсизма. В строгом смысле, выхода из него не существует. Учение Шопенгауэра здесь тоже бессильно, однако у Шопенгауэра есть один убедительный аргумент. Я не могу доказать, что другие существуют (и имеют волю) или что они воспринимают мир, как и я, — однако я могу *сделать такой вывод*. Мой опыт, а также последовательность того, что, похоже, является реакциями на мое существование, приводят меня к мысли о том, что я встречаюсь с другими существами, подобными мне.

Проявив настойчивость, мы можем остаться в состоянии солипсизма — подобно герою Бекетта. Это может оказаться плодотворным с философской точки зрения. Сколь же мало знаем мы о мире наверняка и о нашей жизни в нем! Однако привычки здравого смысла вскоре возвращают нас в так называемый здоровый мир наших собратьев-людей.

Пока все хорошо. Однако Шопенгауэр распространяет вывод о подразумевании дальше: наблюдая свою волю, мы начинаем подразумевать существование Мировой Воли. Как мы видели,

такие понятия, как «бессознательное» и «эволюционный отбор», придают этому рассуждению некоторую весомость. Однако когда Шопенгауэр создавал свое философское учение, таких понятий еще не было, поэтому его ограниченный, глубоко философский аргумент не слишком убедителен. Похоже, в данном случае исключительная проницательность превосходила его способность к объяснению того, что казалось ему истинным. Наитие предшествовало анализу. Читателя убеждают скорее на поэтическом, чем на философском уровне. И это, конечно же, правильно в отношении современников, знакомящихся с учением Шопенгауэра. Шопенгауэр обнаружил поэтическую истину, она получала и психологическое подтверждение, однако разумное ее доказательство осталось грядущим векам.

Как бы то ни было, далее Шопенгауэр строит свое учение на этом ключевом понятии Воли, пронизывающей Вселенную. Воля понимается как Зло или безразличие к человечеству и как таковая является источником страдания в мире. Таким образом, мир, по существу, человеку враждебен или безразличен: он является юдолью бе-

зыходной нищеты, озаряемой вспышками отчаяния. Здесь Шопенгауэр садится на своего любимого конька — человеконенавистничество. Не зря же он прославился своим философским пессимизмом. Его мировоззрение проникнуто отвращением к этому миру (зачастую выраженным в весьма остроумной форме). Целые пассажи он посвящает глупости человеческого поведения, вскрывая с недюжинной психологической проницательностью лицемерие и эгоцентризм, лежащие в основании человеческой деятельности. Все подобные вещи (то есть просто *все*) являлись проявлениями Воли. Именно она движет миром.

Единственный способ избежать зла — это ослабить проявления Воли внутри себя, которые приводят в движение аппетиты и желания, похоти плоти и тщеславие. Самоотвержение и уход из жизни — вот единственный выход. А если жить, то исповедуя стоический аскетизм. Здесь четко просматривается влияние на учение Шопенгауэра религии Востока. «Безрелигиозная религия» буддизма во многом является носителем подобного посыла. Аналогичное мышление пронизывает мудрость индусских мудрецов. Однако име-

ется едва заметная разница между советом Шопенгауэра и целью подобной восточной религии.

Уход в аскетизм, к которому призывает Шопенгауэр, — это что угодно, только не то, что имеют в виду восточные мудрецы (уже призыв к безвольному созерцанию произведений искусства — это не совсем то же самое, что медитация в позе лотоса). Именно способ, предлагаемый Шопенгауэром для преодоления Воли, отличает его учение от восточной мудрости. Шопенгауэр изъясняется всегда по-своему. Его стиль неповторим. Его сочинения исполнены житейской мудрости, изощренны и остроумны. Не хватает в них лишь духовности Востока. Стоицизм Шопенгауэра возвращается к своему исходному пункту — стоицизму древних, который получил распространение в среде высокоразвитого — в умственном смысле — высшего общества поздней Римской империи, во времена позорных кровопролитий, чувственной порочности и вырождения правящих августейших особ. Для Шопенгауэра усталость от мира и отвращение — скорее тога, чем набедренная повязка. Он во многом отстаивает то же самое поведение, однако если идти этим

курсом, духовное просвещение не принесет искупления. Безвольное созерцание произведения искусства может дать нам эстетическое наслаждение, но это имеет мало общего с погружением в нирвану. Мы должны уйти от уродливого проявления Воли ради самосохранения (которое является одновременно и формой саморазрушения). Единственная наша награда сводится к пониманию того, что Воля зла, а весь этот мир скверная шутка за наш счет. Детище Шопенгауэра — это не какой-то там худосочный, осунувшийся, как скелет, мистик-эзотерик, а изысканно-утонченный джентльмен, завсегдатай художественных галерей.

В самом деле, во многом именно таким видел себя Шопенгауэр. Увы! Факты рисуют другую картину. Всю свою жизнь Шопенгауэр провел в мешанском уюте, мало в чем себе отказывая из тех обычных, смешных, нелепых нарядов столь богатого досугом времяпрепровождения. Костюмы его были сшиты вручную у портного из самых великолепных тканей, он расхаживал по ресторанам и частенько наслаждался обществом хорошеньких молоденьких женщин. Ни единого мига не помышлял он о том, чтобы жертвовать своей рентой

ради какого-нибудь святого существования без экономки; он вечно ввязывался в интрижки низкого пошиба, обожал обильные трапезы. (Однажды он ответил своему сотрапезнику: «Сударь, я действительно ем втрое больше вас, но у меня и мозгов во столько же раз больше».) И все же при этом ему удавалось выкроить время на то, чтобы подвергнуть себя очередному хождению по выставкам в целях безвольного эстетического наслаждения. Он был страстным поклонником изящной словесности, посещал концерты и художественные галереи, был заядлым театралом (не для того только, чтобы цеплять хористок).

У Шопенгауэра были вполне устоявшиеся взгляды на искусство, он также много писал на эту тему. На его вкус, наивысшей формой искусства является музыка, на втором месте стоит поэзия, а самая низшая форма искусства — это зодчество. (Легкие романтические романы вроде тех, что принадлежали перу Иоганны Шопенгауэр, вообще не значатся в этой художественной шкале.)

Завершив свою работу *«Мир как воля и представление»*, Шопенгауэр отослал рукопись издателю с сопроводительной запиской: «Эта книга в

грядущие времена станет источником вдохновения для создания сотен других книг и даст возможность их создать». Это оказалось крайне скромной оценкой. Впрочем, не сразу. В течение многих лет и даже десятилетий труд Шопенгауэра зримо оставался незамеченным. Через 16 лет после издания сочинения издатели сообщили Шопенгауэру, что весь небольшой тираж его шедевра почти полностью превратился в массу никчемной бумаги. Реакция Шопенгауэра на отсутствие признания современников была знаменательна: «Разве может музыкант рассчитывать на аплодисменты, если его публика состоит почти целиком из глухих?» Однако все это еще в будущем.

Теперь же, когда Шопенгауэр-автор вручил свой шедевр издателю, веря в грядущую славу, он спокойно отправился в длинное путешествие по Италии. Перед выездом написал Гете, который выслал ему рекомендательное письмо для Байрона. Британский поэт-скиталец в то время проживал в Венеции, которая случайно оказалась на пути Шопенгауэра. Однажды, когда Шопенгауэр прогуливался вдоль Лидо под ручку с женщиной, с которой он только что успел познакомиться,

мимо него вдруг галопом на лошади промчался Байрон. При виде великого романтического героя женщина от восторга вскрикнула. Шопенгауэр, чтобы не быть похожим на нее, принимает решение не пользоваться рекомендательным письмом, которое дал ему Гете для знакомства с Байроном. (В последующие годы Шопенгауэр частенько приводил этот случай в пример того, что «женщины отвращают человечество от величия».) Шопенгауэр продолжал без цели разъезжать по Италии целый год, задирая художников, собиравшихся в Caffè Гресо в Риме, своими нелюбезными замечаниями (он отстаивал многобожие, а об апостолах отозвался так: «Эти двенадцать филистеров-обывателей из Иерусалима» и т.д.); домой он отправлял письма о том, что в Италии «наслаждается не только ее красотой, но и ее красотками».

В 1819 г. была опубликована работа *«Мир как воля и представление»*. Она не только содержала философскую систему Шопенгауэра в наиболее отточенной форме, но стала вершиной мысли ее создателя — в течение последующих 40 лет его жизни взгляды, изложенные там, не получили развития. К 1820 г. Шопенгауэр начал испытывать

заметное нетерпение по поводу отсутствия всемирной славы. Он принимает решение взять это дело в свои руки и добивается должности приват-доцента в Берлинском университете, где тогда преподавал Гегель. К тому времени Гегель толстым снежным покровом закрыл зеленые поля и рощи немецкой философии. Действительный ландшафт оказался скрытым под саваном тьмы, а философам оставалось лишь лепить причудливых снеговиков, высоко и неуклюже подбрасывая диалектические снежки и искусно скользя на коньках по заледеневшим прудам отвлеченных идей. Со всего мира стекался народ, дабы послушать, как сам Санта-Клаус будет читать свои лекции.

Шопенгауэр, считавший своего соперника в борьбе за звание тяжеловеса от германской философии шарлатаном, объявил, что он, Шопенгауэр, намерен читать свои лекции точно в то же самое время, когда состоятся лекции Гегеля. И Шопенгауэр был поражен, когда к нему неожиданно не пришел никто. Тогда, чтобы утешиться после чтения воистину солипсических лекций, Шопенгауэр сблизился с 19-летней актрисой по имени Каролина Медон. То была как раз та самая особа — восхи-

тительная, молоденькая, — которую он себе подыскивал. Он быстро решил и стал подумывать о женитьбе (не сообщив об этом Каролине). Он был оскорблен, когда обнаружил, что у нее было еще несколько других любовников, и дал ей деньги, чтобы она от них отказалась. Затем он решил, что ему необходимо еще один годовой отпуск в Италии, чтобы все обдумать. Каролину он не приглашал, однако, оставляя ее в Берлине, дал ей обещание, что будет с ней мысленно. Каролина попыталась спустить его на землю, через несколько недель сообщив в письме, что она беременна. Шопенгауэр галантно решил оставаться с ней мысленно и продолжил свое длительное путешествие по Италии. Ко времени его прибытия в Берлин Каролина благополучно разрешилась от бремени сыном.

Как раз в это время Шопенгауэр оказался ввязанным еще в одно происшествие, имевшее далеко идущие последствия. Как-то утром Шопенгауэр сидел у себя дома, ожидая назначенной встречи с Каролиной. Мы лишь можем предполагать, что он приткнул ухом к парадной входной двери, поскольку с минуты на минуту должна была появиться она. Поэтому он случайно подслушал

госпожу Маркэт, 45-летнюю швею, которая проживала в комнатах напротив, сплетничающую с парой подруг по лестничной клетке. Взбешенный ни на миг не прекращающимися сплетнями (и, вероятно, желая избежать того, чтобы самому стать их мишенью), Шопенгауэр распахнул дверь и резко приказал соседке болтать где-нибудь в другом месте. Госпожа Маркэт обиделась и отказалась сдвинуться с места. Шопенгауэр пришел в состояние крайнего раздражения. Он схватил госпожу в охапку поперек талии и физически устранил ее, в то время как она брыкалась и испускала пронзительные крики.

Госпожа Маркэт подала на Шопенгауэра в суд по обвинению в нападении, и Шопенгауэру присудили выплатить ей небольшой штраф в 20 талеров. Однако теперь госпожа Маркэт обнаружила, что Шопенгауэр, оказывается, богатый человек, и подала апелляцию, ссылаясь на то, что в результате нападения она пострадала: вся правая сторона у нее парализована, она едва в состоянии пошевелить рукой. Шопенгауэр решительно это оспаривал, и судебная тяжба затянулась с обычной волокитой, необходимой для того, чтобы стряпчие

смогли заработать свои гонорары. Наконец, по прошествии шести лет, Шопенгауэр проиграл дело в суде. Его высокомерное саркастическое отношение суду не понравилось, и суд предписал ему выплачивать фрау Маркэт по 15 талеров раз в три месяца вплоть до ее выздоровления. Фрау Маркэт, очевидно, восприняла это судебное решение как вызов и ухитрилась продлить срок действия так называемого повреждения еще на 20 лет, вплоть до своей смерти. Когда Шопенгауэр узнал о ее кончине и осознал, что ему больше не придется ничего никому выплачивать, он сделал в дневнике остроумную запись по-латыни: *Obit anus, abit opus* (что отнюдь не так грубо, как оно звучит, а всего лишь означает: «Старушка умерла, гора с плеч»).

А тем временем труд *«Мир как воля и представление»* продолжал собирать пыль по книжным лавкам. И все так же Шопенгауэр был, как и прежде, лишен причитающейся ему славы. И еще такой удар: зал, в котором Гегель читал лекции, ломился от слушателей (при этом ближайшая поточная аудитория, как заговоренная, продолжала оставаться пустой). Испробовав прямой подход в деле саботажа своего великого соперника, Шо-

пенгауэр принял решение использовать другую тактику. Гегельянству Шопенгауэр дал следующее письменное определение: «Это — наглая бессмыслица», отозвавшись о Гегеле как о «плоскоголовом безграмотном шарлатане». И опять никто на это не обратил внимания.

Тем временем Шопенгауэр принял решение заняться переводами. Он строил планы перевести Юма на немецкий, Канта на английский язык. К сожалению, из этой затеи ничего не вышло, хотя она, конечно же, могла бы принести неоценимую пользу философским кругам по обе стороны Северного моря. Его планам женитьбы также не суждено было исполниться. Похоже, Каролину Медон он все же любил, однако не был уверен, что ее общественное положение или ее незаконнорожденный ребенок могли бы подобающим образом сочетаться с личностью всемирно известного мыслителя, коим, несомненно, ему надлежало стать. Кроме того, он (ошибочно) подозревал, что она больна туберкулезом, а на туберкулезников в то время в обществе смотрели с тем же сочувствием, с каким сегодня смотрят на больных СПИДом. Хороший психотерапевт мог бы помочь Шопенгауэру, но все это про-

изошло за 30 лет до того, как на сцене появился Фрейд, который и сам испытает глубокое воздействие философского учения Шопенгауэра; оно поможет ему открыть метод, благодаря которому Фрейд мог бы вылечить и самого создателя доктрины. Пока же этот узел оставался нераспутанным, и Шопенгауэр колебался между своим любящим эго и своим запрещающим отеческим суперэго. Роман с Каролиной тянулся вяло и скучно, то возобновляясь, то снова прекращаясь, — и так в течение долгих лет. И вот, когда уже много воды утекло, а роман этот кончился, Шопенгауэру вдруг вздумалось припомнить ее в своем завещании. Хотя в то же время — с обычной, присущей только ему резкостью — он с негодованием отверг притязания некоего молодого человека по имени Карл Людвиг Медон. Человек, который утверждал, что постиг этот мир и его несправедливость, по сути, так никогда и не понял себя.

В 1831 г. холера как метлой вычистила весь Берлин, и Шопенгауэр был вынужден спасаться бегством. (В ту вспышку холеры погиб главнейший соперник Шопенгауэра — Гегель.) Два года спустя, в возрасте 45 лет, Шопенгауэр обосновался во Франк-

фурте. Ему суждено было прожить в этом городе последующие 28 лет, ведя жизнь холостяка, чья крайняя размеренность была списана с образца его героя — Канта. Таков облик Шопенгауэра, перешедший к потомкам, — фигура, которую мы любим до самой ненависти: кислый старик-брюзга из Франкфурта (если уж подниматься до шопенгауэровского уровня философской оценки характера). Он привык рядиться в старомодные наряды (хотя они непременно должны были быть скроены безупречно) и превратился в одержимого борца с шумом («Я давно уже считаю, что количество шума, который кто-либо способен спокойно выносить, находится в обратно пропорциональной зависимости от его умственных способностей»).

Встав по обыкновению поздно и выкушав свою любимую чашечку кофе, Шопенгауэр, бывало, на три часа усаживался за чтение. Потом, как правило, играл на флейте (Россини, «*con amore*» («с любовью», — *Примеч. пер.*)). Потом подходило время для позднего обеда за круглым столом в престижном Englischer Hof (Аглицком дворе — *Примеч. пер.*) на Росмаркте. Пополудни он обычно удалялся в читальню общества Casino, чтобы прочесть

последний номер газеты «*The Times*», который прибыл из Лондона, затем Шопенгауэр отправлялся на длительную прогулку — всем местным жителям была знакома его фигура, проворно, большими шагами спускающаяся вниз по тротуару. При этом он разговаривал сам с собой. На эти прогулки его неизменно сопровождал его пудель, которого он называл *Атма*, по-индийски это означает «Душа мира». Как и приличествует владельцу столь благородного титула, пудель обычно молча и непроницаемо-загадочно семенил рядом со своим невнятно что-то про себя бормочущим хозяином. Таким образом, оба были живым воплощением поучительной картины, которая должна была изображать мыслителя и его загадку. По возвращении домой Шопенгауэр, бывало, зачитывался до поздней ночи, а мир и «душа мира» мирно спали (последняя — подле его ног).

Шопенгауэр был очень начитанным в области литературы и философии; а после 19 лет «молчаливого негодования» при виде отсутствия пришествия громогласной славы он напечатал вторую философскую работу «*О Воле в природе*». Во вступлении к этой работе содержится веселый

выпад против Гегеля, который мало связан с философией, а сама книга — это главным образом разработка положений, изложенных в его более раннем великом труде. Он также выпустил в свет второе издание своего труда «*Мир как воля и представление*», однако и ему-таки не удалось сломить «сопротивление скучного мира».

В этом втором издании Шопенгауэр продолжает разрабатывать взгляды, которые он теперь считал недостаточно развитыми в первом издании. Здесь мы находим развернутый вариант его воззрений по поводу политической философии и роли государства. На эти идеи оказал глубокое влияние его пессимистический взгляд на человеческую природу. В своей политической философии Шопенгауэр был последователем английского политического философа XVII в. Томаса Гоббса, автора «*Левиафана*». Согласно Гоббсу, без правительства «жизнь у человека — одинокая, бедная, мерзкая, животная и короткая». С этим Шопенгауэр соглашался от всего сердца. (И действительно, бывало, что он так и считал, даже когда у людей было правительство.) Гоббс усматривал происхождение государства в естественном желании людей преодолеть это первобытное со-

стояние дел. Таким образом, любая форма правления лучше, чем отсутствие такового. Отсюда Гоббс делает гигантский скачок, заключая, что люди в силу этих причин должны принимать любое правительство, под властью коего им довелось жить. Жизнь в любом государстве, сколько бы зла она ни несла, всегда лучше, чем та жизнь, которая была «мерзкой, животной и короткой», — в которой ничего созидательного не могло быть достигнуто.

Шопенгауэр соглашается с этим взглядом, хотя и привносит попутно свою собственную характерную составляющую из остроумия и мизантропии. Он считает, что человечество, в сущности, состоит единственно из «хищных животных». Государство действует как «намордник» для этих диких зверей, преобразуя их в «безвредный травоядный скот». Человечество не выбирает между Добром и Злом. Вместо этого, как мы видели, его приводит в движение мировая Воля. Подобные существа не могут обладать каким-либо действительным понятием о справедливости; все, что они знают, — это в основном негативная версия идеала. Когда происходит нарушение их воли, они испытывают боль и негодование, что они счита-

ют несправедливым. И все же в то же самое время эти низкие создания вечно изыскивают возможность для того, чтобы причинить боль и страдание другим, препятствуя *их* воле и вызывая у них ощущение несправедливости. Таким образом, основополагающей целью государства должно быть предотвращение этого. Гражданина любой ценой следует удерживать от навязывания своей воли другим людям губительным для них образом.

Мыслители эпохи Просвещения, начиная Кантом и кончая романтиками, ранее проповедовали несколько иной взгляд на роль государства. Целью государства считалось улучшение нравов его граждан, оно должно мягко призывать их стать более человечными. Государству отводилась задача творить добро, улучшая жизнь своих граждан, а не просто быть «необходимым злом», отслеживая их самые низменные инстинкты. Шопенгауэр прозорливо понял, каким мог бы стать итог существования этого кажущегося более благожелательным государства. Подобное «поощрение» граждан к совершенствованию вело к навязыванию коллективной воли, к возвращению единообразного вида поведения, которое государство считало хорошим.

Это не оставляло места для самобытности личности, при которой гражданин мог бы развиваться, как ему вздумается.

Хотя романтический взгляд на государство, равно как и взгляды просветителей, могут показаться непосредственно более привлекательными, чем мрачный пессимизм Шопенгауэра, на практике подобное «улучшение» граждан государством могло бы привести к наихудшим крайностям. Шопенгауэр питал отвращение как к левым революционерам, так и к правому прусскому государству (столь любимому Гегелем). Оба они стремились навязать свой собственный способ улучшения судьбы людей: первый вариант сводился к постепенному введению равенства, а второй — к сильной консервативной авторитарной власти. Концепция ценностей — создавалась ли она вновь либо базировалась на старых ценностях — в любом случае должна была быть навязана. Шопенгауэр был прав в своей оценке одинакового исхода очевидных противостояний. Наихудшими крайностями в деле «улучшения» государства в следующем, XX в. суждено было стать коммунизму и фашизму.

Несмотря на состоятельный и стабильный образ жизни, Шопенгауэр считал, что он был довольно-таки уязвимым для политики. Он был страшно напуган, когда по всей Европе прокатился «год революций — 1848». Волнения в Германии не только нарушали его обыденное существование — они еще и угрожали разрушением торгово-купеческих источников его личного дохода. Куда катится мир? К счастью, беспорядки во Франкфурте были подавлены, и скоро для воспитанного и порядочного человека, живущего на независимые средства, стали возможными прогулки с пуделем по улицам. Восставшие граждане слишком явно показали, что оценка Шопенгауэром их характера была правильной. Подобные создания нуждались в том, чтобы их обуздать, а не поощрять — когда они кричали о злоупотреблениях в лицо законопослушному философу, сопровождаемому Душой Мира. Однако с другими унижениями его достоинства жить было не так просто. Глубокая внутренняя боль, вызванная отсутствием успеха, продолжала точить его, хотя он всячески крепился, лишь бы этого не показать. Длительное ожидание признания к тому времени исчислялось несколькими десятилетиями и, несмотря на душевную энергию, умение держаться на

людях, он мало-помалу смирялся с тем обстоятельством, что его жизнь была одним долгим, затянувшимся провалом.

В возрасте 63 лет Шопенгауэр принимает решение отдать в печать эссе и максимы, однако предложение об их публикации никого из издателей не увлекло. Наконец ему удалось убедить мелкого берлинского книгопродавца опубликовать небольшое издание — Шопенгауэр обещал сам оплатить тираж. Эту работу он назвал «*Parerga und Paralipomena*» (что в переводе с латыни означает «Украшения и упущения»). Это был ряд саркастических отрывков на самые разные темы. Эти эссе и афоризмы и ныне столь же свежи, метки и вызывающе дерзки, как и тогда, когда они были напечатаны впервые. Позиция Шопенгауэра часто вызывающе консервативна, проникнута анархизмом и замешана на дрожжах эгоизма. Взгляды Шопенгауэра на женщин намеренно шокирующи. Вот, к примеру, одно высказывание: «Только отуманенный половым побуждением рассудок мужчины мог назвать низкорослый, узкоплечий, широкобедрый пол прекрасным»¹.

¹ Цит. по: «Афоризмы и максимы» / Пер. Ф.В. Черниговца. — М.: АСТ, ФОЛИО, 2001. — Глава «О женщинах». — с. 288.

(Эти слова рассматривались в качестве зеркала, во всей красе показывающего автора высказывания. Зеркало это едва ли говорит в пользу здоровья его интеллекта или, к слову будет сказано, вряд ли способно в положительном свете представить то женское окружение, в котором он бывал.) Однако у него обнаруживаются любопытные, занятные, неизбитые мысли на темы единобрачия, самоубийства, участия церкви в работоргове, этики, привидений, размышления для себя самого. «*Parerga und Paralipomena*» по легкости изложения намного превосходит все прежде написанное Шопенгауэром, является наиболее читаемой книгой со времен Платона и удивительно гармонирует с восприимчивостью современных людей, несмотря на некоторые легко узнаваемые гротескные шаржи. И все-таки, хотя эта работа, конечно же, отражает философские взгляды Шопенгауэра, она вряд ли может называться философией. Эта работа, по большому счету, остается философским чудачеством. Она выполнена не совсем в том же комическом русле, как это было с работой Лейбница, изображающей наводнение в городе Ганновере, или, скажем, с предло-

жениями Беркли по обязательному смолению воды, или размышлениями Витгенштейна о культуре, однако элементы фарса здесь налицо.

В апреле 1853 г. «*Parerga und Paralipomena*» заслужила благожелательный отзыв лондонской «*Westminster Review*». В те дни немецкая интеллигенция питала здоровое уважение к британской мысли. В тот же миг все немецкие периодические издания заметили труд Шопенгауэра, и наутро он проснулся знаменитым. Последним человеком, обрадовавшимся хеппи-энду после стольких невзгод, был сам Шопенгауэр, который упорно придерживался своих привычек и оставался столь же своенравным, как и всегда (хотя на самом деле он втайне ликовал по поводу своего успеха, украдкой прося немногих из оставшихся у него знакомых выискивать все упоминания о нем в газетах, чтобы он мог их прочесть за завтраком). Юные, пылкие почитатели новой философской звезды стекались в Аглицкий двор, подкупали официантов, чтобы застать места за круглым столом, за которым их воодушевление подвергалось привычным колкостям язвительного остроумия философа. Эти восторженные почитатели уходили восвояси, испы-

тывая жгучие страдания, но при этом исполнившись радости, — в полной уверенности, что их обидел самый утонченный ум в Европе.

В возрасте 65 лет, после более чем 35 лет ожидания, «воды Нила дотекли до Каира», как выразился Шопенгауэр. Он любил славу, которую искренне заслужил, — однако уже через семь лет умер. Это произошло 21 сентября 1860 г.

Пессимистические произведения Шопенгауэра оказали глубокое влияние на столь несопоставимых между собой деятелей культуры, как Вагнер, Фрейд, Толстой, Ницше и Яков Буркхардт, — и это если говорить лишь о самых известных. Большинство этих людей читали только его эссе, но интересовала их, конечно, метафизика. Как, в самом деле, мог Шопенгауэр знать о том, что по ту сторону мира явлений находится холодная, мрачная, безжалостно-жестокая и бездушная, нерассуждающая Воля? Согласно Шопенгауэру, нам всем дана возможность увидеть, что стоит за миром явлений — нужно только взглядеться в самих себя.

Послесловие

Последователей у Шопенгауэра не было, хотя учеников было достаточно. Его глубоко новаторский подход в условиях Германии середины XIX столетия с ее устоявшимися взглядами в теоретической сфере не мог оказать другого влияния. И все-таки не все его ученики застревали в болоте общепринятых взглядов. Были среди них и самые утонченные умы следующего поколения.

Задолго до прихода запоздалой славы Шопенгауэра его работы были открыты молодым Рихардом Вагнером. Пафос ниспровержения основ, исходящий от трудов философа, ошеломил музыканта, и в революционном порыве 1848 г. Вагнер

(вместе с анархистом Михаилом Бакуниным) пошел на баррикады в Лейпциге. Шопенгауэр, как мы видели, был в ужасе от всего этого: ведь он вполне мог потерять свои доходы (и ему действительно пришлось бы вступить на стезю аскетизма, следовать по которой он столь настойчиво советовал другим). Вагнер же безоглядно принял идеи философа и был переполнен шопенгауэровским пессимизмом. С энтузиазмом молодости Вагнер перерабатывает эту комбинацию несовместимых идей в анархический нигилизм — создание его собственное. В течение многих последующих лет он продолжал черпать художественное вдохновение из трудов Шопенгауэра, несмотря на то обстоятельство, что его понимание творчества философа имело мало сходства с тем, что Шопенгауэр намеревался сделать (Зигфрид был известен отнюдь не своим восточным смирением и покорностью).

Творческий пафос Шопенгауэра срабатывает вплоть до сегодняшнего дня, вызывая самые разные реакции у весьма непохожих людей. Такие несоизмеримые фигуры, как Томас Манн, Джеймс Джойс, Сэмюэл Бекетт и Томас Бернанд, нашли

отклик своим чаяниям у Шопенгауэра с его пессимистическим мировоззрением.

Однако воздействие Шопенгауэра на мыслителей последующих поколений оказалось еще более радикальным и очень разным. Некий Филипп Мейнлендер довел пессимистический взгляд Шопенгауэра на мир до крайности в отношении проблем личности и общества. Он считал, что единственным способом решения вопроса существования бедных было бы дать им все то, чего они желали: это немедленно убедило бы их в тщете подобных вещей и в бренности жизни. Тогда они обратились бы к проблеме индивидуального существования, которую Мейнлендер решил посвоему, совершив самоубийство.

Ницше решил применить другой подход. Как и подобает блистательному и глубокому мыслителю, на которого тоже оказали воздействие воззрения Шопенгауэра, Ницше просто поставил идею Шопенгауэра о Воле с ног на голову. Вместо постулата о том, что мир приводится в движение посредством слепой Воли, сражаться с которой можно было бы только посредством ухода в аскетизм, Ницше отстаивал идею Воли к власти.

Вот где лежит движущая сила человеческой природы. И ярчайшее ее проявление — это великие исторические деятели.

Фрейд, приняв на вооружение хитроумную смесь из понятий Воли у обоих мыслителей — и у Шопенгауэра, и у Ницше, — предложил понятие бессознательного. В дальнейшем идеи Шопенгауэра возымели действие на самого последнего из традиционных философов. Ученик Фрейда Людвиг Витгенштейн попал под глубокое влияние пессимизма Шопенгауэра и свойственного ему мистического мировоззрения. Известно изречение Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (*«Логико-философский трактат»*). В явной форме речь здесь идет о языке и его значениях, но неявно напрашивается мысль о сходстве с шопенгауэровским тезисом: мрачная непостижимая мировая Воля навсегда остается за пределами нашего понимания.

Из сочинений Шопенгауэра

Если мы станем пытливо рассматривать и наблюдать какое-либо природное существо, например животное в его бытии, жизни и деятельности, то оно, вопреки всему, что говорят о нем зоология и зоотимия, предстанет перед нами как непостижимая тайна. Но неужто природа из простого упорства будет оставаться вечно немой перед нашей пытливостью? Или, быть может, подобно всему великому, она откровенна, общительна и даже наивна? В таком случае, не безмолвствует ли она только потому, что самый вопрос был поставлен неудачно и неправильно, исходил из ложных предпосылок или даже таил в себе известное противоречие? Ибо мыслимо ли думать, что воз-

можно существование связи причин и следствий там, где она во веки веков и по самому существу своему должна оставаться нераскрытой? Очевидно, все это не то. Непостижимость появляется потому, что мы отыскиваем причины и следствия в той области, которой эта форма чужда, и, таким образом, идем за цепью оснований и следствий по совершенно ложному следу. В самом деле: мы стремимся постигнуть внутреннюю сущность природы, проступающую перед нами из каждого явления, следуя за путеводной нитью закона основания; между тем последний — не более чем форма, посредством которой интеллект схватывает явление, т.е. поверхность вещей, — мы же хотим с его помощью выйти за пределы явления. В границах последнего закон основания вполне „пригоден и достаточен. Так, например, можно объяснить себе факт существования известного животного из его рождения. Ведь последнее, в сущности, не более таинственно, чем то, что и всякое другое, хотя бы самое простое действие следует из своей причины, так как и в последнем случае объяснение в конце концов наталкивается на нечто непостижимое. От того, что в факте

рождения нам недостает в связующей цепи нескольких промежуточных звеньев, дело, по существу, не меняется: так как если бы они и были налицо, мы все же уперлись бы в непостижимое. Все это — потому, что явление остается явлением и никогда не станет вещью в себе.

Внутренняя сущность вещей чужда закону основания. Она — вещь в себе, вещь же в себе — чистая *воля*. Последняя существует, потому что она хочет, и она хочет, потому что существует. Она — безусловно реальное в каждом существе.

«*Parerga und Paralipomena*», §65

Вещь в себе означает то, что существует независимо от нашего восприятия, — следовательно, сущее в собственном смысле слова. Для Демокрита сущим была оформленная материя; тем же, собственно, было оно еще и для *Локка*; для *Канта* оно = *x*; для меня — *воля*.

«*Parerga und Paralipomena*», §61

«Лишь в одной точке я имею доступ к миру, иному чем представление. Это — в самом себе. Когда я ощущаю свое тело — это представление.

...Однако я также осведомлен о тех порывах, которые дают ход работы представления: это — Воля. Лишь внутри меня имею я это двойственное знание Воли и представления».

«*Мир как Воля и представление*»

То двойственное знание о природе и деятельности нашего собственного тела, которое мы имеем, дано нам двумя совершенно различными способами. Поэтому мы будем и впредь использовать это в качестве ключа к сущностному характеру каждого явления в природе. Все предметы, которые не являются нашим собственным телом, таким образом не даны нашему знанию в двойственном порядке (а только как представление), мы будем считать подобными нашему собственному телу. И так как мы знаем, что они подобны нашему телу первым способом, мы будем полагать, что они подобны вторым способом. Таким образом, мы удаляем их существование как представления, а все, что остается, — это то, что мы называем *Волей*, — точно так же, как и в наших собственных телах. Какой другой вид существования или действительности нам следует при-

писывать остающемуся материальному миру? Как еще можем мы постичь подобный мир? Ибо, помимо Воли и представления, нам ничего не известно и даже не постигаемо».

«*Мир как Воля и представление*», вторая книга

Мы сетуем на мрак, в котором проводим свою жизнь, не понимая связи бытия в его целом, в частности же — связи нашего собственного «я» со вселенной; так что наша жизнь кратковременна, но и познание наше всецело ограничено ее пределами, ибо мы не в состоянии ни оглянуться за грань рождения, ни заглянуть за грань смерти, и сознание наше подобно молнии, на миг озаряющей тьму ночи; поистине, выходит так, словно какой-то демон коварно преградил нам дорогу ко всякому дальнейшему знанию, чтобы позабавить себя нашим смущением.

Однако сетование это, в сущности, неосновательно, так как оно обусловлено иллюзией, возникающей из ложного принципа, будто совокупность вещей, прежде чем она сделалась действительностью, существовала ранее в виде простого представления, а потому, будучи порождением

познания, должна быть познанию вполне доступна, для него постижима и в нем исчерпаема. Сообразно истине же дело обстоит так, что все то, на незнание чего мы сетуем, не знаемо никем, да и по самому существу своему не подлежит знанию, т.е. не может быть представлено...

«*Parerga und Paralipomena*», § 67

...Состояние, в которое переносит нас смерть, является нашим изначальным, т.е. это — прирожденное состояние существа, изначальная сила которого проявляется в созидании и поддержке прекращающейся теперь жизни. Это именно есть состояние вещи в себе, в противоположность явлению. В этом изначальном состоянии (...) рассудочное (...) познание, касающееся (...) только явлений, совершенно излишне; потому-то мы его и утрачиваем. Утрата познания равняется для нас уничтожению мира явлений, средою которого только и было это познание, ни к чему другому не годное. Если бы даже в нашем изначальном состоянии нам и предложили сохранить это животное сознание, то мы отказались бы от него, как исцелившийся калека от костыля. Таким образом, жалеющий об

утрате (рассудочного) сознания, приспособленного и пригодного лишь к явлению, похож на новообращенных христиан Гренландии, которые не желали неба, узнав, что там нет тюленей.

«*Parerga und Paralipomena*», § 139

Сообразно со всем этим можно (...) рассматривать жизнь как сон, а смерть — как пробуждение. Но личность, индивид, относится в таком случае к грезящему во сне, а не к бодрствующему сознанию; отчего смерть и представляется ему как уничтожение. Во всяком случае, на нее нужно смотреть (...) как на возвращение к свойственному нам изначальное; жизнь же была в этом первоначальном состоянии лишь кратким эпизодом.

«*Parerga und Paralipomena*», § 139

Еще более нелепа теория о том, что государство является условием моральной свободы и, в этом смысле, условием нравственности. Свобода находится позади феномена и, на самом деле, позади человеческой возни. Как мы видели, государство вряд ли направлено против эгоизма в целом. Напротив, оно возросло посредством эгоизма и

существует только для его продвижения. Этот эгоизм вполне осведомлен относительно того, где находятся его самые высокие проценты. Он продвигается вперед методично, жертвуя узко индивидуальной точкой зрения в пользу всеобщей точки зрения, таким образом становясь всеобщим эгоизмом. Поэтому государство создано на понимании того, что его граждане не ведут себя нравственно, — это означает сделать выбор такой, чтобы действовать правильно по причинам нравственным (например, ради всеобщего блага). Ибо если бы все обстояло таким образом, то не было бы прежде всего нужды в государстве. Поэтому государство, которое намерено добиваться благосостояния своих граждан, ни в коем случае не направлено на эгоизм в целом. Оно лишь направлено против множества частных эгоизмов и их вредоносного воздействия на коллективный эгоизм, который желает всеобщего благосостояния.

«*Мир как Воля и представление*», четвертая книга

Деньги представляют собой человеческое благополучие in abstracto; поэтому тот, кто не спо-

собен наслаждаться им in concreto, привязывается всем сердцем к деньгам.

«*Parerga und Paralipomena*», § 320

Всякое *упрямство* происходит от того, что воля вторгается в область познания.

«*Parerga und Paralipomena*», § 321

Кто желает подметить свое подлинное отношение к какому-нибудь человеку, пусть обратит внимание на впечатление, которое произведет на него неожиданно полученное от того человека письмо при первом на него взгляде.

«*Parerga und Paralipomena*», § 326

Важные даты в философии

VI в. до н.э. — с Фалеса Милетского начинается западная философия.

Конец VI в. до н.э. — Смерть Пифагора.

399 г. до н.э. - Сократа приговаривают к смерти в Афинах.

387 г. до н.э. - Платон открывает Академию в Афинах, первый университет.

335 г. до н.э. — Аристотель основывает в Афинах Лицей, школу, конкурирующую с Академией.

ШОПЕНГАУЭР ЗА 90 МИНУТ

324 г. н.э. - император Константин перемещает столицу Римской империи в Византию.

400 г. - Августин Блаженный пишет «Исповедь». Философию поглощает христианская теология.

410 — Осада Рима вестготами и начало темных веков Средневековья.

529 — Закрытие императором Юстинианом афинской Академии знаменует собой конец эллинистической культуры.

Середина XIII в. — Фома Аквинский пишет комментарии к трудам Аристотеля. Эпоха схоластики.

1453 — Захват Константинополя турками, гибель Византийской империи.

1492 - Колумб достигает берегов Америки. Флорентийское Возрождение и возобновление интереса к греческой культуре.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1543 — Коперник публикует работу «*Об обращении небесных тел*», математически доказывая, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 - Галилей под давлением церкви отрывается от гелиоцентрической теории вселенной.

1641 — Декарт издает «*Философские рассуждения*»; рождение современной философии.

1677 — После смерти Спинозы выходит в свет его «*Этика*».

1687 — Ньютон публикует «*Принципы*», вводя понятие гравитации.

1689 — Локк пишет «*Опыты о человеческом разумении*». Возникновение эмпиризма.

1710 — Беркли издает «*Принципы человеческого познания*», расширяя горизонты эмпиризма.

1716 — смерть Лейбница.

ШОПЕНГАУЭР ЗА 90 МИНУТ

1739—1740 - Юм публикует «Трактат о человеческой природе», доводя эмпиризм до его логического завершения.

1781 — Кант, разбуженный от «догматического сна» Юмом, пишет «Критику чистого разума»; начало великой эпохи немецкой метафизики.

1807 - Выходит в свет произведение Гегеля «Феноменология духа», шедевр немецкой классической философии.

1818 - Шопенгауэр публикует работу «Мир как воля и представление», внося в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 - Провозгласивший смерть Бога Ницше теряет рассудок в Турине.

1921 — Витгенштейн пишет «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» проблем философии.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1920-е гг. - Венский кружок разрабатывает учение логического позитивизм.

1927 - Издается «Бытие и время» Хайдеггера, провозгласившего разрыв между аналитической и континентальной (европейской) философскими традициями.

1943 — Сартр публикует работу «Бытие и ничто», в которой развивает мысли Хайдеггера и кладет начало экзистенциализму.

1953—посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Расцвет эпохи лингвистического анализа.

Хронология жизни Шопенгауэра

1788 — Артур Шопенгауэр родился в Данциге.

1793 — перед оккупацией пруссаками Данцига семейство Шопенгауэров уезжает в Гамбург.

1803 — путешествие с семьей по Европе.

1805 — самоубийство отца.

1807 — переезд в Веймар.

1811 —1813 —учеба в Берлине.

1814 — желчно-язвительный конец отношений с матерью.

1819 — первое издание произведения *«Мир как воля и представление»*

1820 — лекции в Берлине кончаются гнетущим провалом.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ШОПЕНГАУЭРА

1821 — спускает с лестницы фрау Маркэт и проигрывает это дело в суде. Ему предписано делать выплаты в пользу пострадавшей.

1833 — обосновывается во Франкфурте.

1844 — второе издание работы «*Мир как воля и представление*».

1851 — печатает «*Parerga und Paralipomena*».

1853 — наконец становится знаменитым.

1860 — умирает во Франкфурте.

Об авторе

Пол Стретерн — автор лекций по философии и математике; живет и работает в Лондоне. Лауреат премии Сомерсета Моэма, он написал ряд книг по истории и путешествиям, а также пять новелл. Его статьи выходили в известных периодических изданиях, таких как «Обсервер» (Лондон) и «Айриш таймс». Степень по философии он получил в Тринити-колледж (Дублин).

Именной указатель

Беркли Джордж 5,62

Байрон лорд (Джордж Гордон) 14,45

Вагнер Рихард 65—66

Виланд Кристоф 17

Витгенштейн Людвиг 28,62, «Tractatus logico philosophicus» 68

Гете Иоганн Вольфганг фон 17, 21—24,46

Гегель Георг Вильгельм Фридрих 6,19,50,52,
«Феноменология духа» 19

Гоббс Томас «Левиафан» 55,56

Гельдерлин Фридрих 13

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Дарвин Чарльз 34,35, «Происхождение видов» 34
Декарт Рене 5

Кант Иммануил 6,11,19,24,29,51,53,57
Клаудиус Маттиас 16

Лейбниц Готтфрид 30,61
Локк Джон 5

Маркэт, нападение на... 49-50
Медон Каролина 51,52

Ньютон Исаак 22,35

Ницше Фридрих Вильгельм 28,63,67

Платон 9,18,24,26,61

Руссо Жан-Жак 21

Сократ 9,10
Стоики 11

Фихте Иоганн Готтлиб 19
Французская революция 14

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Шопенгауэр Иоганна 12,17,18,20,21,24,25,44

Эмпиризм 5—6
Эпистемология 6

Юм 5-6,10,51

Научно-популярное издание

Философы за 90 минут

Пол Стретерн

ШОПЕНГАУЭР ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *Л.Ф. Пирожкова*

Технический редактор *Э.С. Соболевская*

Корректор *И.Н. Мокина*

Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»

170000, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 19а, оф. 214

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

E-mail редакции: magistr@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями!

Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org